

Пролог

I. Пастор

Наконец пастор поднялся на кафедру. По церкви пронесся нестройный многоголосый вздох. Все-таки явился. Все-таки дождались проповеди. Не то что в прошлое воскресенье. Или в позапрошлом.

Пастор был молод, великолепно сложен и ослепительно красив. Надень на него шлем с серебряной чешуей и кольчугу, дай в руки меч — и перед вами прекраснейший из афинян, Ахиллес. Хоть сейчас в мрамор.

Мечтательные глаза скальда, округлый, но твердый, как колено, подбородок полководца — все в нем было прекрасно, выразительно, все свидетельствовало об уме и духовном совершенстве.

Прихожане не знали, что и думать. Таким они его никогда не видели. Куда привычнее качать головой и кисло ухмыляться, когда их пастор, еле держась на ногах, выползает из местного кабака в обществе таких же пропойц, как и он сам: полковника Беренкройца с седыми, будто ватными, усами и здорового, как медведь, капитана Кристиана Берга.

А это еще что за красавец стоит на кафедре? Разве это их пастор? Их пастор беспробудно пьет, месяцами не появляется в церкви. Дошло до того, что община

Сказание о Йосте Берлинге

начала писать жалобы. Сначала пробсту¹, потом епископу. Написали даже в соборный капитул².

И именно сегодня приехала с проверкой целая комиссия во главе с самим епископом. Он сидел на хорах в окружении священников из соседних приходов, поглаживал большой золотой крест на груди и недовольно хмурился. Приехали даже преподаватели духовной академии из Карлстада.

Никаких сомнений — пастор перешел границы дозволенного. Тогда, в двадцатые годы девятнадцатого века, на пьянство смотрели сквозь пальцы, но этот молодой красавец не знал меры. Он пренебрег священным долгом, и теперь никто из прихожан не сомневался — пастором ему не быть. Да и сам он никаких надежд не лелеял.

Он стоял на кафедре, дожидался, пока допоят последний стих предваряющего проповедь псалма. Постарался унять дрожь в ногах и внезапно понял: враги. Здесь его враги. Все до единого. Крестьяне на лавках, господа на галерее, мальчишки-певчие в хоре — все его враги. Непримирымый враг топчет педали мехов органа, еще более непримирымый нажимает клавиши. Его ненавидят все, даже младенцы, которых принесли в церковь на руках. И церковный сторож, задубевший в боях солдат, сражавшийся еще с Наполеоном под Лейпцигом, тоже его ненавидит. Ненавидит своего пастыря, а ведь и сам не прочь пропустить стаканчик.

Ему вдруг захотелось упасть на колени и вымолить прощение.

---

¹ Пробст — старший пастор в определенном географическом регионе, подчиненный епископу. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Соборный капитул — орган, состоящий из представителей духовенства высоких уровней в кафедральном соборе.

Но он подавил это желание. Вернее, оно исчезло само, потому что его сменил гнев. Он помнил себя, каким он год назад впервые поднялся на эту кафедру. Безупречен, наивен, полон надежд. А теперь стоит за той же кафедрой и смотрит на этого надутого, с золотым крестом, епископа. Тот приехал, чтобы с ним покончить.

С трудом прочитал стих из Библии, смысл которого должен разъяснить в предстоящей проповеди. Ярость подкатывала тяжелыми волнами, глаза застилал багровый туман.

Допустим, это правда — пил он беспробудно, но у кого есть право судить его? Кто-нибудь когда-нибудь видел что-то подобное этой так называемой пасторской усадьбе в Богом забытой деревушке? Где мрачный ельник подступает к разбитым окнам, через которые в дом беспрепятственно льет дождь и валит снег? Где с потолочных балок капает вода, где стены черны от плесени? Где урожая с плохо обработанной земли не хватает, чтобы прокормить всех, и призрак голода стоит у самых дверей?

Разве они заслуживают лучшего пастора? Он как раз то, что им нужно. Они же пили вместе с ним, так почему именно он должен ни с того ни с сего давать обет воздержания? Крестьянин, напившийся до чертиков на поминках по собственной жене, отец, не вяжущий лыка на крещении первенца. Да все они, те, кто сидит в этой церкви, наверняка напьются по дороге домой. Они не заслужили другого пастора!

И не сразу он стал таким. Не сразу. Пусть вон тот, с золотым крестом, попробует поехать по замерзшим озерам в пальто на рыбьем меху, пусть погребет под дождем в лодке по взлохмаченной немилосердным ветром реке, пусть в пургу по десять раз выскакивает из

Сказание о Йосте Берлинге

саней, чтобы с лопатой пробить дорогу в саженных сугробах, пусть поищет брод на болотах... можно держать пари, даже сам епископ начнет искать утешения в бутылке.

Дни тянутся за днями, пугая мрачным однообразием. Все, и крестьяне, и помещики, вроде бы думают только о земле, об урожае, но хватает их забот только до вечера — вечером правит бал самогон. Оттаивают сердца, мир светлеет, рождаются песни, и даже полуувядшие розы начинают благоухать. И как легко вообразить, что ты не в прокопченном деревенском кабаке, а где-то в блаженном Средиземноморье... над головой свисают гроздья винограда, зреют маслины, тут и там в темно-зеленой листве невинно белеют мраморные Психеи, а по аллеям под чинарами прогуливаются, неторопливо беседуя, философы и поэты...

Нет, нет и нет. Он, пастор на кафедре, лучше кого бы то ни было знает, что без горячительного прожить в этих краях нельзя. И не только он. Все его прихожане, все, кто сидит в этой церкви, знают это не хуже его.

И они смеют его осуждать!

Они хотят сорвать с него пасторское облачение только потому, что он смел явиться под хмельком в обитель их Бога. Ханжи! Их истинный бог — самогон. Никакого другого бога у них не было и нет.

Он зачитал стих и преклонил колена, чтобы начать «Отче наш».

Во время молитвы в церкви воцарилась гробовая тишина. Пастор вцепился обеими руками в завязки сутаны. Ему показалось, что вся община во главе с епископом крадет к кафедре, чтобы сорвать с него облачение. Он стоял на коленях, опустив голову, видеть он их не мог, но ясно представлял — и епископа, и пробста, и сторожа, и звонаря... вот они потихоньку подбираются к ведущей на кафедру шаткой лесенке,

срывают с него сутану... и, не удержавшись, валятся по этой лесенке, валятся, как костяшки домино, сшибая тех, кто напирает сзади.

Он представил эту картину так ясно, что невольно улыбнулся, но тут же его прошиб холодный пот. Ничего смешного: ему готовят участь отверженного, и все из-за спиртного. Отлученный от сана священник — пария, изгой. Такой даже жалости не вызывает. Только презрение.

Что ему остается? Одеться в рубище, просить милостыню на дорогах и ночевать в канаве с такими же, как он, человеческими отбросами.

Пастор дочитал молитву. Настало время проповеди.

И внезапно ему пришло в голову: в последний раз. В последний раз в жизни стоит он на кафедре и доносит мудрость Всевышнего до неразумной паствы.

Почему-то эта мысль тронула его до слез. Он мгновенно забыл и про епископа, и про самогон, про все на свете, настолько важным ему показалось в последний раз восславить Создателя и Покровителя всего живого на земле. Может, никогда уже не представится такой случай.

Его начал бить тревожный и сладкий озноб вдохновения.

Пол церкви опустился, а купол вознесся в неведомые выси. Пастор уже не стоял за пыльной кафедрой — дух его воспарил к нарисованным небесам, и он уже еле различал крошечные фигурки в зале, будто смотрел в перевернутый бинокль.

— Дети мои!

Он всегда мысленно морщился от фальши — какие они ему дети? Почти все в церкви старше его. Но не сейчас. Сейчас это обращение не показалось ему странным. Сейчас все прихожане, все до одного, от старика до младенца, были его детьми. Мало того, он не узнал

собственный голос. Откуда только взялся этот неслышанной красоты тембр — торжественный, бархатный и мощный, как медленные удары колокола! Голос его отозвался восторженным эхом во всех уголках внезапно ставшей огромной церкви. Воцарилась мертвая тишина, и каждое слово проникало в сердца онемевших прихожан, наполняя их трепетом, надеждой и восхищением.

Он был человеком вдохновения, наш пастор. Отложил листки с написанной проповедью — нужны ли они, когда мысли роятся сами по себе, и даже не в голове, а над головой, как нимб или стая ручных голубей? Ему даже казалось, что говорит не он, а кто-то другой. И внезапно пришло понимание: никому, даже сильным мира сего со всей их роскошью и могуществом, не суждено достичь высот, где сейчас парил он, проштрафившийся сельский пастор. Именно ему суждено было донести до смертных Откровение Господне.

И он говорил и говорил, пока не подернулась пеплом и не начала остывать горячая лава вдохновения. А когда закончил, когда и купол церкви и пол встали на свое место, он опустил голову и захлебнулся рыданием. Потому что внезапно сообразил: никогда уже не повторится подаренный ему свыше редчайший миг истинного счастья.

После службы был назначен сход общины. Все перешли в небольшой флигель приходского совета. Епископ спросил старосту, нет ли каких-либо жалоб на священника.

А бедный пастор уже забыл охватившую его перед проповедью ярость. Он сидел, повесив голову, и ждал — вот сейчас выплывут на чистую воду все его пьяные подвиги. Какой срам!

Но нет. За столом воцарилась тишина.

Он поднял голову и посмотрел на звонаря — тот покачивал головой и чему-то смутно улыбался. Староста, богатые фермеры, даже надутые владельцы рудников — все молчали.

«Ждут, кто первым начнет лить на меня помои», — решил пастор.

Староста прокашлялся.

— А что... неплохой у нас пастор.

— Уважаемый епископ, думаю, сам слышал, какой он замечательный проповедник, — добавил звонарь.

Епископ нахмурился и напомнил прихожанам о пропущенных службах.

— Пастор тоже человек, — пожал плечами пожилой крестьянин. — Заболеть каждый может.

Епископ пристально оглядел собравшихся:

— Не вы ли выражали неудовольствие... э-э-э... его образом жизни?

И наш пастор не поверил своим ушам: все в один голос принялись его защищать! Он еще так молод, наш пастор, все бывает... но если он будет проповедовать так, как сегодня, они не поменяют его даже на самого епископа, уж вы нас простите, ваше святейшество.

Вот так. Суд не состоится за отсутствием обвинителей.

Пастор почувствовал, как кровь быстрее побежала по телу, сердце забилося, как пойманный в силки заяц. Он был не прав! Они не враги его, они его друзья! Он завоевал их души, они уже не хотят от него избавиться, его не выгонят, он останется пастором!

После дознания епископ, пробсты, теологи из Карлстада и уважаемые члены общины пошли по традиции обедать к герою дня. Пастор был не женат, поэтому заботы по приему гостей взяла на себя жена соседа-арендатора и, надо сказать, управилась наилучшим

образом. Даже собственный дом показался ему не таким уж убогим. Длинный стол накрыли прямо под елями, и это придало особое праздничное очарование белой, с кружевными оборками скатерти, бело-голубому фаянсу, вымытым до горячего блеска бокалам. А чего стоили хитро сложенные, похожие на королевские короны салфетки на каждой тарелке! И в дом зайти не стыдно — две березки у крыльца, а высоко над дверью, под самым коньком, венок из свежих полевых цветов. Пол в сенях по традиции устлан ветками можжевельника, цветы в каждой комнате. И даже плесенью вроде бы не пахнет, чисто вымытые оконные стекла сияют на солнце.

Наш пастор был счастлив и весел. Никогда, никогда больше он в рот не возьмет спиртное!

И все за столом были веселы. И те, кто неожиданно для себя проявил великодушие, и те, кто искренне простил непутевого пастора, и даже высокая комиссия — никому не хотелось скандала.

А епископ поднял бокал и долго рассказывал, с каким тяжелым сердцем собирался он в эту поездку — столько всяких сплетен пришлось ему выслушать. Он, оказывается, приехал, ожидая увидеть Савла, а на поверку оказалось, что не Савла он встретил, не Савла, врага и гонителя истинной веры, а Павла, апостола Павла, светоча христианства. Он говорил и о необычайном проповедническом даре молодого пастора. И нашему молодому другу надо помнить, что такой дар дан ему Богом не для гордыни, не для самолюбования, а для духовного подвига, для терпения и воздержания при выполнении высокого долга, возложенного на него этим редкостным даром.

За обедом молодой пастор пил очень умеренно, но вино все-таки ударило ему в голову. А может, вовсе

и не вино, а неожиданное счастье, настигшее его в невозвратной точке падения. И когда гости разошлись, он долго пребывал в том же восторженном настроении. Ему казалось, что даже струящаяся по жилам кровь намного горячее обычного. Сна не было ни в одном глазу. Он открыл окно и подставил лицо прохладному ночному ветерку. Надо попробовать успокоиться и выспаться перед началом новой жизни.

— Не спишь, пастор?

Он вздрогнул и взгляделся в темноту. Прямо по газону к дому шагал человек. Не узнать его было трудно — капитан Кристиан Берг, бродяга и искатель приключений, верный его собутыльник. В этих краях не было никого, кто мог бы сравниться с ним ростом и непомерной силой. Был он огромен, как гора Гурлита, и глуп, как горный тролль.

— Попробуй усни в такую ночь!

И только послушайте, что рассказал ему капитан Кристиан!

Оказывается, у этого колосса появилось недоброе предчувствие, что после всех сегодняшних событий он может потерять собутыльника. Пастор просто-напросто побоится лишний раз приложиться к рюмке, потому что, если вся эта священная братия нагрянет снова, прощай, сутана...

И капитан Кристиан Берг решил повлиять на развитие событий. Раз и навсегда отбить у епископа и его свиты охоту появляться в этих краях. Теперь-то друзья опять смогут без помех собираться здесь, в пасторской так называемой усадьбе, и веселиться, сколько влезет.

Никому в голову не пришла бы такая мысль, а капитану Бергу пришла. И послушайте, что он придумал.

Когда епископ и оба священника из академии в Карлстаде сели в свою крытую коляску и тщательно

Сказание о Йосте Берлинге

заперли дверцы, чтобы не вывалиться на ухабах, капитан ссадил кучера с козел, сел на его место и погнал лошадей в светлую июньскую ночь. Верст десять или пятнадцать летела коляска по бездорожью. Капитан дал понять сановным посетителям, на каком тонком волоске висит человеческая жизнь. Он нахлестывал лошадей, а духовные лица в запертой кибитке молились, как мог бы молиться горох в банке, которую трясет заботливая хозяйка, желая определить, хватит ли гороха на вечерний суп.

Уж не подумали ли вы, мои читатели, что он старался объезжать ямы и рытвины? Что упустил случай спуститься к озеру и гнать прямо по воде, которая грозно журчала под колесами и то и дело заливала кибитку? Уж не подумали ли вы, что, спускаясь с холмов, капитан придерживал лошадей? Наоборот, нахлестывал их немилосердно, и чудом, подлинным чудом не перевернулась коляска со священнослужителями. Можно удивляться, что она не застряла в болоте, — капитан, во всяком случае, никаких стараний к тому не прилагал. Епископ и пасторы сидели и возносили Богу молитвы, и если бы не наглухо закрытые кожаные шторы, можно было бы видеть, что лица их белы как полотно.

Впрочем, так оно и оказалось: когда экипаж остановился на постоялом дворе в Риссетере, бледный-пребледный епископ вылез на неверных ногах из коляски и трясущимися губами спросил:

— И что это значит, капитан Кристиан?

— А значит это вот что, — бодро произнес гигант заранее заготовленную фразу, — надеюсь, теперь его святейшество трижды подумает, прежде чем приезжать с проверками к Йосте Берлингу!

— Вот оно что... — холодно процедил епископ. — Вот оно что... в таком случае передай Йосте Берлингу, что

ни я, ни другой священник во всем королевстве никогда к нему не приедут.

Всю эту историю и поведал с гордостью глупый капитан Кристиан Берг, стоя под открытым в благоухающий сад окном. Услышав слова епископа, он тут же бросился рассказывать другу о своей победе.

— Теперь можешь быть спокоен, сердечный друг мой пастор, — сказал он. — Больше они не приедут.

Ах, капитан, капитан... как он торжествовал, когда перепуганные священники вылезли из злосчастной кибитки! Но друг его пастор вовсе не торжествовал. Он стоял у окна, бессильно опершись на подоконник, и лицо его в неверном свете летней ночи было еще белее, чем у священников. Белее смерти. Ах, капитан Кристиан!

Пастор, недолго думая, ткнул кулаком в глупо ухмыляющуюся физиономию приятеля, захлопнул окно и схватился за голову. Глаза его жгли слезы отчаяния.

Бог ниспослал ему неслыханные мгновения чистого вдохновения, и он же, этот Бог, сыграл с ним такую злую шутку...

Само собой, епископ уверен, что это именно он подослал капитана Кристиана, ни на секунду не усомнится епископ, что вся вдохновенная утренняя проповедь была не чем иным, как злонамеренным притворством. И, конечно, теперь нет никаких шансов, что его, пастора, оставят в приходе.

Когда настало утро, пастора в усадьбе уже не было. Незачем было оставаться и пытаться оправдаться — все равно никто бы ему не поверил. Бог его не простил. Показал, как *могла бы* сложиться его судьба, какое счастье мог бы он испытать, проповедуя людям слово Божье и веру в спасение. Но грехи его слишком тяжелы, и глупо было бы надеяться на что-то другое.

Сказание о Йосте Берлинге

Все это произошло в начале двадцатых годов девятнадцатого века в отдаленном уезде в западном Вермланде.

Грянул первый гром. Но это был далеко не последний удар судьбы из тех, что выпали на долю Йосты Берлинга.

Так молодой жеребчик, не знающий шпор и плетки, при первом же испытании сбрасывает груз, срывается с места и мчит куда глаза глядят, не ведая, что уже поджидает его разверстая пропасть.

